

Абрамова Н.Т.

ХРОНИКИ ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ НИНЫ МЕЛЮХИНОЙ В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

В повествовании о событиях из жизни московской школьницы младших классов Нины Мелюхиной воспроизводятся по памяти бытовые подробности школьных военных лет, отношение к учителям, трудовое воспитание, которое получили дети войны. Из хроник о школьной жизни маленькой девочки непроизвольно вырастает картина общегородских событий и иных сторон жизни населения военного времени.

Ключевые слова: предфронтальная Москва, эвакуация школьников, бомбоубежища, дети фронта, отношения к учителям, бани, огороды, американские подарки школьникам.

- Философия войны и мира. К 70-летию Великой Победы 285

Предисловие

Самое сильное впечатление от детских военных лет – это постоянное чувство голода.

Великая Отечественная война получила отображение в ряде исторических источников, запечатлевших факты и события самой войны, причины войны, последствия войны, которые повлекли за собой те или иные исторические события, и т.п. К историческим источникам о ВОВ могут быть отнесены и повествования о жизни за пределами линии фронта. Данная статья – это отрывок из моей книги «Из истории рода Мелюхиных», изданной в 2014 г. В повествовании о событиях из жизни московской школьницы младших классов Нины Мелюхиной воспроизводятся по памяти бытовые подробности школьных военных лет, отношение к учителям, трудовое воспитание, которое получили дети войны. Из хроник о школьной жизни маленькой девочки непроизвольно вырастает картина общегородских событий и иных сторон жизни населения военного времени.

1. Предфронтовая Москва

Эвакуация первоклассников в июле 1941 г.

Первые дни войны оказались для меня школьницы, только что окончившей 1 класс, большим личным потрясением. В июле месяце 41-го вместе с другими первоклассниками меня посадили в автобус и отправили в Белоомут под Рязанью. Решение эвакуировать детей из Москвы связано было, видимо, с быстрым приближением фронта. Разместили нас всех в частных домах в каком-то большом селе. Я с подругой – одноклассницей попала в дом к сердобольной женщине. Она приняла нас как сирот, давала вечером по кружечке молока с хлебом, успокаивала плакавших. Помнится, село, которое было очень длинное, песчаная дорога, по которой нас водили в столовую. Кормили скудно, пока длинный пройдешь обратный путь, опять хочется есть. Поздней осенью за мной приехала мама и увезла в Москву.

Московские события 17 октября 1941

Расскажу об одном факте начала войны, который мне запомнился. Это было день 17 октября 1941 года. Немцы, как известно, тогда стояли под Москвой. Было общее смятение, и по радио было объявлено: граждане, можете брать из магазинов любые продукты. Все поняли это так: чтобы ничто не досталось немцам. Мои родители, бывшие крестьяне, вынужденно оставившие свое крепкое родовое гнездо в Тамбовщине, поняли объявление по-хозяйски, и принесли два мешка с крупой. Моя подруга рассказывала мне, что её взрослая сестра принесла в дом два ящика ирисок. Как же оказалась впору мука-крупя! Как бережно расходовалась! Я вспоминаю себя в начале войны с отцом на конюшне, где он работал конюхом. Папа сидит около печурки в крохотной комнатушке, и варит в малосенькой кастрюльке рисовую кашу на воде. Думаю теперь, что только для меня. Я смотрю на кастрюлю, и все спрашиваю: ну, когда? Когда сварится? На поверхности кастрюли появляется как бы белое молочко, а папа спокойно так отвечает: скоро, скоро. До сих пор чувствую запах этой каши. Среди военных запахов, правда, более поздних, помнится также запах отварной соленой трески, которой «отоварили» продуктовые карточки: крепко соленую рыбу долго вымачивали; потом отваривали и ели. Кожица трески была липкая, вкус её, все также еще соленой, помню до сих пор.

Московские бомбоубежища

Из-за приблизившегося фронта жизнь в Москве осенью 41-го была крайне суровой. В районе Москвы, где я проживала, были расположены два крупные завода металлургический им. «Серпа и молота», бывший Гужон, и вагоноремонтный завод им. Войтовича. Немецкие самолеты часто кружили в небе. Помню ночные воздушные бои где-то рядом, обстрел из пушек, охранявших заводы. Однажды фугасная бомба попала на территорию завода Войтовича. Наш барак, где мы жили большой семьей, примыкал к деревянному забору этого завода. При тревоге, объявляемой по радио, мы прятались в небольшом погребке под окном. Погреб вырыли еще до войны, для хранения овощей. Но теперь его родители стали использовать как бомбоубежище. Помещение было столь мало, что размещались лишь сидя, и то два-три человека. Взрослые по очереди дежурили на крыше барака на случай зажигательных

бомб. Когда налеты немецких самолетов стали особенно частыми, мы с мамой стали ходить в более прочное бомбоубежище. Располагалось оно в подвальном помещении клуба завода Войтовича. Это был туалет клуба. Туда набивалось очень много народа, главным образом малые дети с родителями. Спали сидя на полу, кто как устраивался.

В качестве бомбоубежищ использовались и станции метро. Помню, как меня с соседкой стали отправлять ночевать на ближайшую станцию метро «Курская». Спасали ребенка, а старшие братья, сестры и родители оставались дома. На площади около метро к ночи скапливалось много людей, которые стояли кругами в очереди. Пропускали в метро только с детьми. Нужно было спуститься на рельсы и пройти вглубь тоннеля. Люди спали на путях вповалку до раннего утра. Где-то в 4 часа утра раздавалась команда «на выход» – ко времени, пока не начинали ходить поезда. Еще совсем затемно мы шли с соседкой домой. Трамвай ещё не ходили. Наш путь лежал от площади Курского вокзала через Сыромятники до Андроньевской площади, а там по Тулинской улице. И так до своей Старообрядческой шли пешком. И это был не один километр.

2. Школьные военные годы

Учебный год (1942-1943)

Война порушила весь распорядок школьной жизни: школы Москвы не работали 1941-1942 учебный год. Осенью 1942 г. я пошла учиться во 2-ой класс. Мне, как и другим второклассникам, было по 10 лет. Вспоминая то время, должна сказать, что самым сильным чувством было чувство постоянного голода. Собственно, голода как такового в Москве не было. Ведь были карточки, на которые всем выдавали хлеб и какое-то ещё продовольствие. Но есть хотелось всегда. А к зиме ещё прибавилось чувство холода. Когда начались школьные занятия, в классах было так холодно, что сидели в пальто, валенках и варежках. Запомнились почему-то уроки пения. Собственно, пения как такового не было. Мы были промерзшие, а учительница сидела за инструментом, играла и пела. Судя по ее «репертуару», полагаю, что учительница была до войны певица, поскольку исполняла разные арии, объясняя их содержание: запомнились Фарлаф и Черномор. Об этом я вспомнила,

когда уже в юности ходила в Большой театр на оперу Глинки Руслан и Людмила.

Запомнился учитель Василий Ильич, пожалуй, единственный учитель-мужчина за всю школьную жизнь. Он был плохо одет, очень бледный: таким он мне казался теми моими детскими глазами. Память сохранила его облик, видимо, и потому, что он нам раздавал завтраки, которыми все-таки нас подкармливали. Это были тоненькие кусочки черного хлеба, примерно со спичечный коробок, помазанный сверху оранжевым горьковатым повидлом. Может быть американским апельсиновым джемом? Во время продолжительной болезни Василия Ильича мы всем классом пришли его навещать. Бедность была полная – это почувствовала я, жившая бедно в бараке. Мы ему принесли все те же кусочки черного хлеба с повидлом, можно сказать, оторвали от себя.

Дети фронту

Ковали победу не только взрослые, но и дети. Нас 10-11-летних приобщали к фронту следующим образом: мы скатывали-свертывали бинты. Из-за нехватки бинтов, их, видимо, после использования, стирали. Эти «вторичные» бинты нужно было вновь придать форму бинта. Для этой нехитрой процедуры приглашали школьников. Рядом со школой находился какой-то военный склад, куда нас приводили помогать взрослым. Скатывать нужно было плотно, чему нас обучали. Бинты были розово-коричневатого цвета.

Наша школа была расположена не так далеко от Госпитальной площади, где находился военный госпиталь им. Бурденко. И нас школьников младших классов несколько раз приглашали почитать стихи, спеть песенки. Палаты были большие со множеством коек. Вспоминаю, с какой радостью нас встречали раненые бойцы. Сажали к себе на кровать, угощали какой-то едой, чему мы были рады.

На уроках рукоделия нас учили многим нехитрым приемам шитья и вязания. Нас научили обвязывать цветными нитками белую ткань, и получались носовые платочки. Это были наши подарки бойцам. Для этого мы приносили из дома ткань и цветные нитки. На платочке каждый ставил свое имя. Писали мы также на листках из школьной тетради письма, которые сворачивали треугольником, подписывая свои имена. Платочки и письма собирала учительница, это отправлялось на фронт.

Детские библиотеки в разгар войны

Мои воспоминания о первых годах войны связаны со школьной районной библиотекой. Она находилась на шоссе Энтузиастов, в переулке, который назывался «Курская Канава». Располагалась эта прекрасная библиотека на втором этаже двухэтажного деревянного дома, причем работала все годы войны. Там был отапливаемый читальный зал. Книги выдавали и домой. Чтобы особенно удивительно, и сейчас это трудно осознать: сотрудницы библиотеки общались с нами – подростками: давали советы, какие книги нужно взять, спрашивали о прочитанном. С детьми занимались, их направляли.

Отношение к учителям

Об отношении к учителям можно судить по нашему желанию сделать им приятное к праздникам, особенно к 8 Марта. В первые годы войны дарили шоколадки, а к концу войны – вазы для цветов. Денег ни у кого не было. Но были бублики, которые нам ежедневно давали на завтрак. Мы скопом их собирали, и продавали на Рогожском рынке. Должна сказать, что это делали многие школьники по Москве. Наши родители знали об этом, но никто не говорил нам: съешь сам, ведь ты же голодный.

Развлечения подростков

Дети военных лет развлекались по-своему. Помню, у меня были коньки – гаги, которые остались, видимо, от довоенных времен от брата. Я привинчивала коньки к валенкам. Катком служило обледеневшее шоссе Энтузиастов, по которому ходили машины. Нашим любимым занятием было зацепиться рукой за борт 3-х тонки, когда она выезжала из ворот завода им. Войтовича. Пока машина шла по шоссе была на малой скорости до светофора, мы катились с ветерком.

Бальные танцы

В заводском клубе во время войны работал кружок танцев. Учила нас Эсса Ильинична, видимо, в прошлом балерина. Обучила держать спину, разным позициям ног, движению рук. И главное, научила грациозным бальным танцам, которые позже стали входить в моду, таким как падеграс, полонез и др. Война, а дети обучаются грации.

Пионерские лагеря

Вспоминаю о том, с каким трудом маме удалось для меня получить путевку в пионерский лагерь. Другие ездят каждый год, а мне не доставалось такого счастья. Думается, что и в те годы большей любовью у начальства пользовались видные люди завода, а не мама – конюх. Действительно, в нашем отряде были девочки из семей заводского начальства, которые проживали в хороших домах, а не в бараке. Наконец, и мне повезло. Но не тут – то было, счастье было относительным: было очень голодно. Помню, как я ждала маму на «родительский день», как приехала мама с сестрой и привезла какую-то еду. Хотелось, чтобы забрали домой, но тогда было строго. Все эти линейки и костры меня почему-то не притягивали, я боялась этих линеек, когда нужно было перед всеми давать отчет, рапортовать.

Американские подарки школьникам

Скудость жизни проявлялась и в одежде. Купить было негде и не на что. Одежду шили сами, перешивали из старых вещей, надставляли, довязывали, если становились малы. На снимке военного времени, сделанный братом Серафимом самодельным фотоаппаратом, я сижу в валенках, в белом платье и кофточке с надвязанными рукавами. Всю войну я проходила в каком-то перешитом пальто, на голове носила тонкую детскую кожаную шапку.

Было во время войны одно запомнившееся событие – подарки от американцев. Наши «союзники» присылали не только джем из апельсинов, горьковатый на вкус, но и разные поношенные вещи. Но это было тогда для всех нас большим благом. Вещи прибыли на завод им. Войтовича и распределялись между рабочими в местном профсоюзе. Моей маме выделили для меня два платья. Помню их с большими подробностями, ибо других просто не было. Одно платье было шерстяное: синее с желтыми пуговицами, довольно крупными; его я носила круглый год в течении нескольких лет, что называется до дыр. А другое было белое, шелковое, как я теперь понимаю спортивное – для игры в теннис. Это второе платье я носила редко, главным образом, когда ехала в гости к брату. Или, когда в кино ходила. Вспоминаю себя в этом платье, как я почему-то еду на подножке трамвая, а платье у меня от ветра развевается, а его придерживаю одной рукой.

3. Московский быт военных лет

Мои обязанности по дому

Мне, как, впрочем, и другим школьникам, было вменено отovarивать продуктовые карточки. «Отovarивание» продуктовых карточек, значит, получение хлеба и других продуктов. Мама учила, как важно получить именно те продукты, которые не являются баловством, а, чтобы все были сыты. Продукты завозились разные и в разное время. Поэтому нужно было отслеживать это. Наверное, не все знают, что представляли собой продуктовые карточки, которые выдавались всем гражданам во время Великой Отечественной войны. Продуктовая карточка представляла собой небольшой листок бумаги размером где-то примерно четверть листочка школьной тетради. Листочек этот был поделен на ячейки, число которых соответствовало количеству дней в месяце, на каждой ячейке был обозначен день месяца. Карточки были разные: для «рабочих», «служащих», «детей», что соответствовало количеству хлеба и продуктов, которое выдавалось каждой из названных категорий людей. Предпочтение отдавалось рабочему, потом дети и др. Не могу точно вспомнить, но, кажется, рабочему полагалось, к примеру, 400 граммов хлеба, а по детской карточке полагалось 300 грамм. Карточки выдавали 1 раз в месяц; ее «прикрепляли» к какому-то определенному магазину, в котором происходило «отovarивание». Каждый делал это самостоятельно. Продавец отрывал талон этого дня и подавал тебе соответствующее количество продуктов. Помню, что все эти покупки лежали на мне, я ходила в булочную на углу шоссе Энтузиастов и приносила хлеб домой. Однажды у меня украли карточки, это было больше чем горе. Помню, как долго плакала. Карточки просуществовали в Москве довольно долго, кажется, и после окончания войны. На карточки выдавался не только хлеб, но и крупу, мыло и что-то еще. Помню о соленой-пересоленной рыбе-треске. Это был деликатес. В конце войны годы были открыты так называемые «коммерческие» магазины, где в свободной продаже, но по более дорогой цене можно было купить продукты. Пользовались коммерческими магазинами те, у которых были потолще кошельки. Мы же не принадлежали к числу таковых.

Отопление жилых помещений

Другим сильным ощущением военных лет был холод в жилых помещениях. Лично меня эта беда не затронула, поскольку мы жи-

ли в бараке с изначальным печным отоплением. Еще до войны у каждой семьи был небольшой дровяной сарай. Те, кто проживал в каменных многоэтажных домах, оказались незащищенными от холода. Они были вынуждены ставить «буржуйки» и заниматься поиском дров.

Вагоноремонтный завод, на котором работали мои родители, выдавал рабочим отходы производства – мелкую деревянную стружку, которой мы топили печку. Жара было немного, но стужи все же не было. Выносили стружку в мешках. При выходе из завода вахтер проверял содержимое мешка, в котором лежала стружка, следующим образом: он протыкал мешок железным копьём насквозь: не содержится ли в мешке что – то еще. Время военное, поэтому нужна была бдительность. Стружку ссыпали в дровяном сарае. В разгар войны Москву начали снабжать дровами. Это были какие-то древесные отходы – сучковатые гробыли, которые нужно было распиливать и колоть. Дрова выдавались по соответствующему ордеру, который получали по норме, как и продовольственные карточки. За дровами нужно было ехать на дровяной склад. Помню, как мы с мамой ездили на такой склад, который был расположен где-то рядом с железной дорогой, недалеко от Рогожского кладбища. Какое-то время ездили на телеге, запряженной лошадей, но большей частью привозили на двух – колесной тачке, толкая ее впереди себя. Уже после войны стали выдавать на отопление каменный уголь,- на том же самом складе. Пилить и колоть дрова было возложено на меня. Дрова приходилось пилить двуручной пилой, другой не было. Иногда мне помогал соседский ровесник. Колоть сучковатые дрова было одно горе.

Московские бани

Существенную сторону жизни составляли бани. Всем известна вшивость, которая одолевала все население. Эти насекомые сильно мучили как в военные, так и послевоенные годы. Какое же это было мучение. Видимо, вши заводились не только от недостатка мыла и от недосмотра. Имеется, видимо, еще глубинная психологическая или физиологическая причина. Ведь вши были и на фронте, и в тылу. Мы, девочки, не только стеснялись, но и боялись. Боялись того, что учитель заметит, как ты чешешь голову: ведь периодически в школе проводились проверки. Бывало, какой

страх тебя одолевал, когда во время урока в класс заходил кто-то в белом халате и начинал осматривать всем подряд головы. А если найдут? Вши в волосах были практически у всех. Страх возникал потому, что тебя могут остричь наголо. Поэтому дома предпринимались самые разные шаги: мазали голову керосином, вычесывали частым гребешком, наконец, «искались». Последнее означает некую операцию, знакомую лишь обовшивевшим в те времена моим современникам.

На всю нашу округу были три бани, в которую по субботам стекалось много народа. Мы любили ходить в Андроньевскую баню, которая была на Тулинской улице в переулке. Находилась баня в 2-х этажном доме. В женское отделение вела темная лестница, на которой стояло множество народа со своими шайками – алюминиевыми тазиками с ручками, которые приносили из дома. Стояли долго. При входе давали темно-коричневое мыло, довольно жидкое, величиной со спичечный коробок. Нужно было отстоять очередь, пока помоеся предыдущая партия людей, которую запускал контролер. Раздевались в общей комнате, где стояли лавки со спинками; на маленький крючок вешали снятую одежду. Само банное отделение представляло собой общее большое помещение, где стояли довольно широкие каменные лавки. Вода была горячая, вольная. Следили за тем, чтобы приходящие не стирали свое белье. Экономили время, нужно было дать войти следующей партии людей.

Заводской души

Иногда вместо бани мы с мамой ходили в заводской душ. Пускали меня и одну, видимо, примелькалась я в той проходной, а может быть стояли там хорошие люди, почему не пустить девчонку помыться. Но скажу прямо, что ходить в душ, особенно при литейном цехе было сплошным испытанием. Дело в том, что пускали помыться, когда ещё не закончилась смена рабочих. Сцена была примерно такова: пропускают тебя туда (конечно, с другими женщинами), а потом вдруг приходят рабочие, стучат, требуют быстрее выходить, а то и заглядывают в банное помещение, и гогочут при этом. Бывало и такое, что в одном из каких-то цехов души были смежными, разделенными всего-навсего высокой перегородкой, и были слышны разговоры, а то и кто-то подпрыгивал и пугал нас своими выкриками и заглядываниями.

Огороды для москвичей

Чтобы люди как-то выживали, в середине войны москвичам стали выделять землю под огороды. Заводу Войтовича было выделена земля на станции Кудиново Горьковской ветви ж. д. Это где-то 40 км. от Москвы. Туда раньше ходили только паровозы. Часто приходилось ездить на ступеньках вагона как безбилетникам. Приехав в Кудиново, нужно было от станции добираться до огорода несколько километров, причем с мотыгой и лопатой за плечами. Чаще всего меня отправляли с сестрой. Но иногда и одну вместе с соседкой. Тогда окучивать картошку приходилось мне одной. В то время с детками не чирикали.

Осенью дополнительно мы отоваривались картошкой, покупая ее на колхозном рынке. Для этого в нашей барачной комнате был вырыт маленький подпол, куда мы ссыпали картошку. Мама моя была человеком обстоятельным, что проявлялось в том, что прежде чем купить несколько мешков картошки, она посылала меня на Рогожский рынок с тем, чтобы вначале купить картошку на пробу у разных продавцов. Проба нужна была для того, чтобы выбрать ту, которая будет «рассыпчатой», а не водянистой. Одновременно ставили варить все два-три образца, и путем пробы на вкус определяли, какой из вариантов приемлем. Лишь после этого делалась закупка впрок. За картошкой следили, не давали ей прорасти, выбирали загнившую. Все эти усвоенные в прошлом навыки ожили в нашей маме, и опытно были переданы мне.

4. Деревенский военный быт

Летом 1942 г. меня на лето отправили на родину родителей в Тамбовскую губернию. Там проживали моя тетя и старшая многодетная сестра. Её муж воевал на фронте. По условиям военной жизни каждый колхозник должен был отработать соответствующее количество трудовых дней. На колхозных полях трудилась одна сестра. На трудодни по закону начисляли определенное количество продуктов – зерна, картошки и т.д. Однако на деле, реально ни денег, ни продуктов за работу не давали. Как говорили тогда «начисляли палочки». Однако государство обладало налогом все, что имел колхозник, вплоть до коровы, овец, кур, и пр. Отдавай и все – фронту нужны были продукты. И отдавали. Шестеро сестриных детей и я седьмая выполняли работу по дому и

на приусадебном участке. Нас 10-12-летних заставляли окучивать картошку, полоть рядки; меньшие дети отпугивали птиц с огорода. Меня научили окучивать картошку, и этот навык помог мне в дальнейшей моей московской жизни, когда нам дали участок в Кудиново, где мы сажали картошку. В деревне по существу было натуральное хозяйство: помимо традиционных овощей сеяли также пшеницу, лен, коноплю, из которых возделывали бельевое полотно. Других источников питания и одежды просто не было. В самом деле, откуда еще в безденежной деревне можно было в то время взять ткань, чтобы пошить одежду себе и детям? Неоткуда. Сажали также и табак, из которого делали махорку. Кажется, для продажи – ведь денежки также были нужны.

Особенно запомнилась молотьба пшеницы. Происходило это так: на большое полотно материи насыпали зерно, по которой били цепом. Цеп – это сельскохозяйственное орудие, представляющее собой довольно длинный черенок, на конце которого был закреплен короткий черенок. Этот короткий черенок нужно было раскрутить в воздухе и далее ударять им по зерну. Операция довольно сложная и нуждается в навыке. Если раскрученный короткий черенок вовремя не опустить, то он автоматически падает тебе на голову. Тут нужна была ловкость. Обучение шло подальше от зерна, и лишь после усвоенных уроков мне разрешили молотить. Помню, что шишек и синяков я себе набила порядочно, пока не освоилась. Но не помню, был ли от нас малолетних толк в этом деле.

Невозможно забыть другой вид работы, который целиком лежал на детях: нас заставляли делать «кизяки» – местные дрова военных времен. Кизяк – это навоз с соломой, приготовленный особым родом. И навоз от коровки, и солома от пшеницы – все из собственного хозяйства. Делалось это следующим образом. В корыто клали коровий навоз, принесенный из хлева, затем туда добавлялась солома, предварительно измельченная. После этого нужно было голыми ногами залезть в корыто, и топтать месиво до получения однородной массы. Процедура довольно длительная, делали это по очереди, танцуя. Затем полученную густую смесь раскладывают в небольшие деревянные формочки, и осторожно выкладывают для просушки. Видимо, так делали «дрова» наши

далекие исторические предки. Ни леса, ни тем более угля не было в том краю – степном и безлесным.

Коноплю и лен также обрабатывали ручным способом. Вначале коноплю «трепали» все тем же цепом, разбивали, мочили долгое время на пруду, сушили. Конечная операция – это «сучить», а затем прясть. И лишь уже потом получали полотно. Пишу, что помню, может быть, что и напутала. В качестве подсобных средств обработки зерна использовали жернов – подобие ручной мельницы, которая перетираала зерно. Имелся также ткацкий станок. В сундуках, на которых спали, хранили понёвы (юбки в красно-белую клетку из самотканой грубой ткани); на дне сундука лежали 2 Георгиевских солдатских серебряных креста второй степени, которые за храбрость в бою получил во время Первой Мировой Войны мой отец Тимофей Дмитриевич Мелюхин. Золотой Георгиевский крест 1-ой степени отец вывез в Москву. Он сейчас хранится в моей семье. Те два креста оказались утерянными, думаю, безвозвратно.

Летом, в жару в деревне было принято спать не в доме, а в амбаре. Это небольшая мазанка, сделанная из глины. Вдоль стен амбара стояли лари – высокие деревянные сундуки, куда засыпают зерно, и где оно хранится круглый год. Кроватей и лавок в амбаре отсутствуют, поэтому спят на земляном полу. Не помню на чем спали, но хорошо запомнилось, чем укрывались. Это были «ватолы» – самотканые одеяла из льна и овечьей шерсти. Ватолы были тяжелые и колючие. Ни о каких простынях и пододеяльниках мы в ту пору не знали. Да и насколько помню, не было этого и в нашей московской жизни.

Белье полоскали в пруду, который называли «барским». Название сохранилось от прежних времен. Пруд был совсем мелкий, берег был утоптан копытами скота, который туда приводили пить вечером и днем. Там мы и «плавали». Для этого мы, не умея плавать, надували мокрые наволочки воздухом, скручивали наволочку так, чтобы из нее не выходил воздух, и, положив подбородок на подушку, другой рукой гребли, и били по воде ногами. Не думаю, что мы плавали, но на воде держались.

В сентябре 42-го я пошла в школу в Ивановском. Деревенские ребята были ко мне не очень приветливы, слегка задирали чужака,

а вот учительница была ласковой. Проучилась я там немного, поскольку за мной приехала мама и увезла меня в Москву.

5. Физкультурный послевоенный парад школьников

Во время войны было введено раздельное обучение: девочки и мальчики учились порознь. В соседней с нашей женской была мужская школа, где работала гимнастическая секция. В нее принимали и девочек. Всех, кто мало-мальски был способен научиться азам гимнастики – делать упражнения на кольцах, брусьях, козлах, в конце войны определили участвовать в параде физкультурников на Красной площади. Упражнения были нехитрые, но их нужно было делать согласованно. Было много репетиций, перед парадом участникам была выдана форма.

N.T. Abramova

Chronicle of Nina Meljuhina's School Life during the Great Patriotic War

Abramova Nina T. – D.Phil., leading research fellow, RAS Institute of philosophy, Moscow, Russia.

Abstract. The story of Nina Meljuhina, an elementary school student, contains everyday details of her school life during the war. The author recalls her attitude to different teachers, and describes labour education, received by the children of war. The general picture of citywide events and other aspects of life of Muscovites in wartime arises from the chronicle of little girl's school life.

Keywords: Frontline Moscow, evacuation of schoolchildren, bomb shelters, children for front, attitude to teachers, baths, vegetable gardens, American gifts for schoolchildren.